

Алина Сурменева

Ловец закатов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алина Сурменева

Ловец закатов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сурменова А.

Ловец закатов / А. Сурменова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Жизнеутверждающая повесть о том, как человек становится по-настоящему свободным. Содержит нецензурную брань.

© Сурменова А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Вы когда-нибудь чувствовали, что ваше тело движется вперёд с запредельной скоростью и в то же время остаётся на одном месте? Женя чувствовал. Всё его существо диффузно проникало в мир ощущений. В голове висела какая-то ленивая тяжесть, сковывающая сознание, но тело казалось удивительно лёгким, почти неосязаемым. Кто-то соорудил под тоненьким слоем кожи век маленькие диаскопы со вставными картинками, которые иллюстрировали случайные эпизоды из прожитой жизни. В таком сладко-сонном состоянии Женя вряд ли задумывался над тем, кто и зачем сделал маленький театр в передних камерах его глаз. Он просто смотрел, будто каждое его утро начиналось с подобных сцен.

Вот день рождения двоюродного брата. Дети бегают по заднему двору дома, гоняются за старой собакой. Собака *большая*, выглядит страшно. Женя боялся её до тех пор, пока не понял, что она так же беззаветно радостно валяется в высокой траве, как и ребятишки. Перекатывается со спины на живот, даже как-то по-особому дружелюбно высовывает свой длиннющий язык, который при беге болтается во все стороны. Тут Женя замечает, как глаза пса, словно угольно чёрные лужицы, расширяются, да настолько, что заслоняют собой весь двор, детей и их родителей. Чёрная блестящая поверхность глаз собаки подёргивается рябью и поглощает маленького Женю. В этой темноте он вдруг видит похороны матери.

От вида отвратительных искусственных цветов с торчащими кусочками пластика по бокам что-то в желудке неприятно зашевелилось. В носоглотке разливается неведомая ранее горечь. Тут всё было неестественно и тошнотворно. Равнодушная толпа людей в тёмных одеяниях, толкающая свои пластмассовые речи, обведённые под копирку. Никто из них не понимает истинного горя потери. Никто из них не чувствует вины от того, что они не успели сделать лучше жизнь самой общительной и открытой миру женщины. Теперь она лежит в гробу. Сейчас её опустят в землю. Все снова разойдутся по домам и уже совсем скоро забудут о том, что среди них был кто-то, кто ставил цель выше, чем деньги, слава и прочие прелести жизни, которых у неё никогда не было. Женя осмелился бы утверждать, что она даже в самые тягостные минуты жизни не стремилась к ним. Да, она точно была лучше их всех вместе взятых.

Жгучая боль одиночества, недопонимания и осознания изменности сущности человека захлестнула мальчика, из-под гроба начала сочиться вода, и капли её стали подниматься вверх в бесцветное небо. Земля по крошке, по песчинке проникла в небо и превратилась в одну сплошную стену, которую в тот же миг смели с пути чугунные прутья кладбищенского забора.

Подросший мальчик обнаружил себя в лифте с девочкой, которая впервые в жизни поцеловала его. Нравилась ли она Жене? Не то что бы. Более того, он искренне не понимал, почему эта девчонка прониклась симпатией именно к нему, а не к любому другому мальчишке, у которого, может, нос был бы не такой длинный и не мешал бы целоваться. Но ощущения были такие странные, новые, что буквально заволакивали сознание Жени. Губы, глаза девочки, а вскоре и все её составляющие стали крупными желеобразными каплями падать на пол лифта и с гулким тяжёлым стуком проламывать его, оставляя круглые дыры. В одну из них и провалился Женя. Теперь он летел куда-то вниз. Он не запомнил, в какой именно момент его падение плавно переросло в беспорядочный танец.

Концерт какой-то безымянной группы в рок-баре, переполненном людьми. По ушам били чьи-то длинные волосы. Женя не сразу догадался о том, что это его собственная отросшая шевелюра. Рядом друзья. Впервые Женя оказался в компании, где его приняли со всеми странностями и даже переименовали их в «классные фишки». Эти тёплые улыбки пропитали каждую клетку его тела. Длилось бы это мгновение *вечно*.

Длилось бы это мгновение вечно.

Постепенно звуки гитары с перегрузом начали терять свою яркость, лица друзей зарябили светло-жёлтыми ромбиками, вертящимися вокруг своей оси и описывающими непонятные фигуры. Стены клуба, музыкальные инструменты, потное лицо вокалиста оплели тысячи молочно-белых паутинок. Звук и движения начали с мелкой и частой дрожью замедляться, лица слились в монолитные маски, и в конце концов всё превратилось в огромную зернистую массу цвета слоновой кости. «Пельмешки!» Женя и сам себе не раз признавался в том, что ни одну девушку он не любил больше, чем это высшее творение кулинарии. Не успел он начать уплетать за обе щеки свою любимую еду, как бесконечные горы пельменей выровнялись в простой белый фон.

«Что это за больница?»

Женя нашел себя лежащим на полу в длинном светлом коридоре. Только в отличие от лабиринтов больничных проходов, которые он раньше часто видел, здесь не было осветительных приборов, но помещение почему-то всё равно казалось кипельно-белым. На солнечный свет это вряд ли было похоже, стены будто сами по себе излучали тихое, мягкое свечение. «Странно, – подумал Женя, – от чего они так сияют?» Справа от себя он увидел длиннющий шкаф с выдвижными ящиками. Настолько длинный, что его начало и конец были скрыты от его глаз. Молодой человек почему-то не задумался о том, как он сюда попал. Он просто потянул на себя ручку ящика, и тот послушно открыл взору плотную кипу бумаг. Аккуратно зажав двумя пальцами один из листов, Женя вытянул его из ящика и пробежал по нему глазами по диагонали. «Бутовец Алексей... Был специалистом по маркетингу, но работу свою не любил... Трое детей... Часто менял женщин... Не любил чистить зубы... Боялся дверей в общественном транспорте, потому почти никогда им не пользовался...». На следующих листах фигурировали уже совсем другие имена и детали: «Габи Гроссман... швея... всю жизнь боялась, что люди могут понимать её слова двусмысленно... умерла от анорексии», «Карл Лайне... Студент... Считал, что только страх перед ним вызывает уважение у людей, поэтому часто прибегал к грубой физической силе...», «...Ученик начальных классов... Был сбит машиной...» и тут же «Не любил чистить зубы... Сбил школьника, сев за руль в пьяном виде... был приговорён к тюремному заключению, но скончался почти сразу же из-за душевных расстройств на почве произошедшего: повесился на простыне в камере-одиночке...», «Энджела Оливерс... боялась лошадей...»

– Кому вообще это нужно? Зачем собирать такие странные факты о людях?

«Что-то здесь не так,» – начало подсказывать сознание. Женя оторвал глаза от листа бумаги и устремил взор в белую стену. Из рта невольно вырвалось:

– Ё-маё. Куда я попал?

Встречались биографии совсем краткие, на полстранички. Были и те, что занимали по несколько листов. Всё это отдалённо напоминало резюме, но тогда для чего в этих бумагах нужны такие подробности, как боязнь лошадей и хроническое нежелание чистить зубы?

– Чем это ты тут занимаешься, дорогой мой?

В любой другой ситуации Женя бы резко обернулся от неожиданного звука, но сейчас он пребывал в такой задумчивости, что движения его были слегка заторможены. Он вздрогнул, на секунду замер, аккуратно положил биографии обратно в ящик с мыслью о том, что их, наверное, не стоило трогать, а потом медленно развернулся всем телом на сто восемьдесят градусов.

Тут-то Женю и постигло настоящее удивление. Противоположная стена коридора отодвинулась от него метров на пять-семь, и теперь узкий проход больше напоминал просторную комнату в стройварианте. Здесь совсем не было мебели, а в трёх-четырёх метрах от самого Жени стоял мужчина с маленькими коричневыми пятнышками на лице, какие обычно пропускают у людей в возрасте.

– Ты, наверное, сейчас спросишь, кто я, где мы находимся или что-то похожее, поэтому заранее отвечаю на твои вопросы, – незнакомец медленным мягким шагом направился к Жене. – Ты пару часов назад умер, и теперь попал в промежуточный мир между двумя жизнями, в который всех присылают после смерти.

– Кто присылает? – чуть не поперхнулся слюной Женя.

– Ох, если бы я знал, – улыбнулся мужчина. – Если бы хоть кто-нибудь знал. Я – всего лишь душа, которую ты видишь единожды в течение всего своего пребывания здесь. Нет никакого ада, нет никакого рая, все религии мира на удивление искусно внедрили эти понятия в головы восьмидесяти процентам населения Земли, с совершенно иными целями. И малолетние мамкины атеисты тоже ввали: после смерти есть жизнь...

«Малолетние мамкины атеисты? Кто так вообще говорит в его-то возрасте?» – пронеслось в голове у Жени.

Мужчина продолжал:

– ...есть этот мир, он по общему плану строения очень схож с тем, в котором ты жил раньше. Да и связаны эти миры крепко. Каждая душа, попадающая сюда, рано или поздно становится перед выбором: идти на второй круг жизни или завершить цикл и остаться здесь в качестве помощника. Ну чтобы там рассортировывать вновь прибывших, беседовать с ними, придумывать что-то новое для тех, кто временно находится здесь... Без создателей нет и потребителей, так-то, – он сделал трёхсекундную паузу, чтобы пригладить волосы на затылке, и продолжил: – Думаешь, зачем ты сюда попал? Ну, для своеобразного такого очищения. В течение всего твоего пребывания здесь в твою голову будет лезть всякое.. мм.. Вобщем, явления, не дававшие тебе покоя при жизни. Страхи, например. Или вещи, которые ты не понимал.

– Так что мне теперь химию здесь выучить придётся? – с долей изумления усмехнулся Женя.

Незнакомец улыбнулся:

– Кто знает, кто знает... Эту систему вообще не мы придумали, и не мы её контролируем. Она существовала веками сама по себе в сознании каждого человека. Поэтому никто не знает, какие испытания уготованы тебе твоим же разумом.

Женя присмотрелся к своему собеседнику и увидел, что в уголках глаз его пролегли маленькие впадинки. Такие же морщинки оказались около его ушей, на лбу, подбородке и в уголках губ.

– Но... зачем?

Улыбка не сходила с лица мужчины.

– Согласись, люди бы просто сходили с ума, если бы их старая жизнь переплеталась с новой. Дети бы учились читать, вспоминая, сколько книг они уже когда-то прочли. Я могу лишь догадываться, но этот мир для того и существует, чтобы следующая жизнь твоя была начата с чистой душой. Вот как выглядит искупление грехов на самом деле. Не Бог его проводит, а ты сам.

Перегруженный мозг Жени затормозил – столько разных мыслей посетило его в течение тех секунд, в которые он осознал, куда попал. Они всё копились и копились, грудились, мешались. В голове крутилось огромное множество предположений, совершенно противоположных друг другу, и чем дольше Женя стоял и тупил, тем больше они путали его рассудок. Первым из этого месива вырвался вопрос, который любой другой человек, вероятно, постеснялся бы задать. Но только не Женя.

– Так значит Библия – это сказка, и Иисуса на самом деле нет и никогда не было?

– Что ты! Есть и всегда был! Он в основном занимается той же работой, что и я, только ему более сложные души достаются. И Аллах существует, и Будда, и великое множество языческих богов, и почти весь состав древнегреческой и скандинавской мифологии трудится здесь. Совершенно другое дело – почему ты попал именно ко мне. Ни в кого из них ты особо не

верил, да и совсем аморальным поведением при жизни ты не отличился, поэтому и не было особо веских причин отправлять тебя к кому-то очень крутому, чтобы он тебе мозги вправлял.

«Снова молодится, – подумал Женя. – Зачем?»

А вслух спросил:

– И за живыми они тоже наблюдают?

– А кто по-твоему всё это пишет? – мужчина указал рукой на всё ещё выдвинутый ящик с торчащими из него биографиями.

Женя сглотнул ком в горле. Значит, и про него уже была составлена такая бумажка. Да, по своей природе Женя скромностью не отличался, но были и такие моменты в его жизни, о которых даже самому развязному человеку в мире было бы неудобно говорить.

– А теперь по старой замечательной традиции я должен помучить тебя парочкой каверзных моментов из твоего прошлого, к которым ты, вероятно, никогда больше не вернёшься, – улыбка жениного собеседника стала шире, но от этого она не стала менее безобидной или более злорадной. Слегка кривляясь, он продолжил нарочито важным тоном: – Ты ли, сын мой, шёл на поводу у своей лени и позволял влюблённым заниматься непотребствами в твоей квартире, если они платили тебе едой?

Женя понял, что этот человек настроен дружелюбно, и решил подыграть.

– О-о-о, да-а, отец, это был я, – таким же наигранно стыдливым голосом, распевая каждую гласную, ответил он.

– Ты ли, сын мой, предался порочной любви с самой последней распутницей в городе за то, что она приготовила тебе вкусные пельмени?

– О-о-о, да-а, отец, это был я! Каюсь! – еле сдерживая смех, воскликнул Женя. Чем дальше шёл их разговор, тем более очевидно становилось желание его участников перевести его в юмореску.

– Ты ли, сын мой, пренебрегая значимостью жизней братьев наших меньших, растоптал муравейник в детстве? – незнакомец уже откровенно хохотал над своими вопросами. Женя подумал о том, что, наверное, ради таких забавных реплик этот человек и употребляет в своей речи слова, мало соответствующие его возрасту. Последний вопрос остался без ответа, потому что оба собеседника просто надрывались от смеха.

Едва лишь успокоившись, Женя спросил:

– И что дальше делать-то?

– Всё, закончена воспитательная беседа. Теперь можешь идти на все четыре стороны.

Женя огляделся. В начале их разговора он не увидел никаких окон и дверей в комнате, но теперь ему бросилось в глаза небольшое отверстие под потолком, напоминающее дырку для сплит-системы. «Странно, что я раньше не заметил этого», – подумал Женя, подошёл к стене и сделал попытку зацепиться руками за неровный край.

– Ой, да не мучайся ты так, – с этими словами незнакомец указал на только что непонятно откуда взявшееся широкое окно в противоположной стене.

Глаза Жени округлились.

– Как вы это делаете?

– А что, тут каждая душа так может, – собеседник чуть приподнял брови и улыбнулся шире. – Нематериальный мир же. Надо закрыть глаза и чётко представить себе место, куда ты хочешь переместиться, или вещь, которую желаешь получить. Только одно правило ввели во избежание поощрения лени: ты можешь делать так не более трёх раз в сутки. Ах да, и твой день теперь начинается с 16:47 – это то время, когда ты сюда прибыл.

Женя перешагнул через оконный проём и уселся на подоконнике. Перед ним был большой город. Закатное розово-оранжевое небо было ещё покрыто каким-то полупрозрачным белым налётом. Маленькие ячейки окошек, в которых обычно в такое время отражается захо-

дящее солнце, не давали ни единого отблеска. "Есть ли здесь вообще солнце?" – задался вопросом Женя. Из-за молочной пелены показался кусочек красноватой дольки. "Неживое", – подумал Женя с сожалением, – "Ненастоящее".

Да, он не мог не отметить сходства этого мира с тем, который был его приютом почти двадцать три года жизни. Но Женю настораживали и даже немного раздражали такие мелочи, как эта странная белёсость глади неба, еле заметное свечение зданий, асфальта, деревьев, вывесок и всего вокруг. Женя посмотрел под ноги. Почему-то высота в девять этажей не пугала его. "Интересно, а если человек умирает в этом мире, то он попадает куда-то в третий мир или возвращается в тот, из которого я пришёл?" Тот же час Женя решил проверить свои догадки. Он подался вперёд и оттолкнулся руками от подоконника. Ощущения были такие, будто прыгаешь со страховкой на батуте. Всё тело вмиг обволокло изогнутыми воздушными линиями. Женя мягко приземлился, коснувшись асфальта сначала кончиками пальцев ног, а потом и всей стопой. Теперь он убедился, что вряд ли здесь вообще можно умереть. Только сейчас молодой человек обратил внимание на то, что от непосредственного соприкосновения с тротуаром его защищали одни лишь носочки. При жизни Женя редко носил такие, белые, потому что они слишком быстро пачкались. Именно поэтому он почти произвольно приподнял ногу и взглянул на пятку. Чистая. «Странно это», – пронеслось в голове. Действительно странно – при том, что асфальт, должно быть, грязный. Мимо шагали в разнобой десятки ног, разглядывая которые Женя не нашёл закономерности: кто-то был в носках, кто-то в обуви, кто-то вообще босиком... «Должно быть, в этом мире совсем не обязательно носить обувь, – подумал он. – Может, грязь тоже ненастоящая?..

...Хотя с какой стати меня это заботит?»

От одного уха к другому потянулась улыбка. Женя подумал о том, что это, наверное, очень по-дурацки выглядит со стороны, но ему по большому счёту всё равно.

Так город впервые увидел Женю – высокого двадцатидвухлетнего парня с крупными чертами лица, в каждой из которых сквозила доброта. У него были тёмно-русые не слегка отросшие волосы, большие ладони и щёки и много харизмы. Он редко улыбался с зубами, не любил девушек со слишком длинными волосами («фу, сопля»), футбольных фанатов («вечно ищут повод кулаками помахать») и карликов (ну просто не нравились и всё тут). Любил вкусную еду (особенно если она доставалась ему бесплатно), хорошую музыку и чёрный юмор, за какой его бы отправили в ад (если бы он существовал, ха-ха).

Молодой человек окинул взглядом город, в котором оказался, и тут же его осенило. Он же теперь свободен от всех обязательств.

Свободен.

Свободен!

Свобо...

Конец возгласа затерялся в сбитом выдохе прыжка. Женя чувствовал себя космонавтом, парящим в невесомости в неведомом ему мире, которого он совсем не боялся, хоть и пока что не совсем понимал. Асфальт был мягкий, как махровая июньская трава, ещё не тронутая лезвием косилки. Женя легко отталкивался ногами от поверхности, купаясь в воздухе, наполненном эйфорией. Он бежал в эту притягательную неизвестность, огибая людей, здания и машины. Он танцевал на бегу, а потоки встречного ветра обволакивали истощённые руки и ноги, делая их сильнее, выносливее. Тело Жени наливалось той молодецкой энергией, которой он был лишён последние месяцы жизни.

Всё стало ярче. Прыжки получались выше. Тело было легче, а линии – чётче. В голову вместе с попутными вихрями забила наивная, но очень навязчивая мысль:

«Интересно, могу ли я встретить здесь Курта Кобейна? Если да, было бы неплохо выпить с ним».

Влетев в первый увиденный на улице бар, Женя залпом опрокинул в себя полбутылки рома.

– Кажется, к нам заглянул новоприбывший пират, – с улыбкой отметил бармен, парнишка лет восемнадцати, протиравший стакан грязно жёлтым полотенцем. В ответ на это Женя снял с чучела оленя пиратскую шляпу, нахлобучил её на самый лоб и повернулся к нему:

– Спасибо за выпивку, парень.

Тут ему в голову стукнула острая необходимость проверить свою способность к телепорту. Наигранно, как в фильмах про супергероев, он приложил указательные пальцы к вискам и плотно закрыл глаза. Напряжение мозга и воли не помогли ему переместиться в желаемое место, и тогда Женя снова обратился к бармену:

– Слушай, а как это...

– Надо чётко представить себе место, куда хочешь попасть, если ты об этом, – ответил тот. – Шляпу потом вернёшь!

Но Пират уже воспользовался советом и растворился в воздухе. Он очутился в каком-то клубе. Музыка была там определённо не в женином вкусе, но сейчас это никого не волновало – Женя танцевал, не стесняясь никого вокруг. Он прыгал, едва не задевая головой потолок, тряс волосами, словно на него напал рой пчёл. Чувствовал вкус алкоголя, который ему наливали ребята из какой-то весёлой компании, но не ощущал ни малейшего признака опьянения. Ему на глаза попадались красивые девушки, которых грех было не одарить улыбкой.

Последние два возможных мысленных перемещения Жени были в направлении туалета.

Следующий день Пирата начался в чьей-то чужой квартире. Через зашторенное окно едва проникал свет пьяного полуденного солнца, и всё же один пронзительный лучик вцепился в женины глаза, разбудив его самого. Подслеповатым сонным взглядом Женя окинул комнату, приподнявшись на локте. Помимо него ещё человек десять валялись в комнате-студии – кто на диване, кто на ковре, одна тоненькая девушка даже умудрилась уместиться на кухонном гарнитуре. Она сладко спала, слегка посапывая, свесив одну из своих кукольных ручек со столешницы и погрузив ступни ног в раковину для мытья посуды. Все гости квартиры уснули в, казалось, совершенно неудобных позах, но лица их выглядели такими самозабвенными, что Женя ни разу не усомнился в том, что вчерашний вечер высосал из них все силы.

Если бы не дикое, почти магическое притяжение к графину воды, стоявшему на подоконнике, Пират бы не собрал волю в кулак и не встал на ноги, а поспал бы еще часик-другой. От его рубашки разлило потом. Ещё бы, так танцевал вчера. На диване валялась чья-то тёмно-синяя футболка. В этой комнате все были одеты, и Женя решил, что хозяин этой вещи не обидится, если ему её вернут как-нибудь на неделе. Короткий путь в душ. Перехватил из холодильника по привычке, хотя голода не чувствовал, и тихонько прикрыл входную дверь.

«Вот нелогичный мир, – думал он, минуя одну лестничную клетку за другой. – Голода здесь нет. Чувства насыщения – нет. Сон – есть. Сушняк – тоже. Ноги не пачкаются о землю, хоть чечётку на пыльном полу танцуй. А вот пятна от пота на одежде остаются. Какая-то странная концепция. Ну и ладно. Наверное, я всё-таки многих вещей не знаю об этом месте».

Выйдя на улицу, Женя секунду-две просто стоял и, щурясь, смотрел на солнце и крыши домов, утопающие в облаках, думая: «Ну а дальше-то что?»

Перво-наперво Женя решил попробовать свои новые способности к телепортации. Один лишь взмах ресниц превратил городской пейзаж, который сторожили статные высотки-стекляшки, отражавшие белое небо, в бирюзовый свод потолка океанариума. Со всех сторон вокруг Жени плавали жёлтые, синие, красновато-серебристые рыбёшки. Вдоль стенки аквариума поднимался морской конёк, сбоку от него прилипла морская звезда. Повинуясь течению, колыхались зеленовато-голубые водоросли, прозрачно-фиолетовые медузы, цветные ниточки круглоротых актиний, переливающиеся голографическим розоватым серебром... Над головой Жени

стремительно пролетел скат, а справа от него – в другую сторону – проплыла беременная акула. И лишь одни многочисленные разветвления кораллов были статичны. Белые блики от воды бегали по одежде Пирата. Теперь он был стопроцентно в своей стихии. Безуспешно пытаюсь облечь всю эту неземную красоту в мысли, он не нашёл лучшей формулировки, чем «это будто космос, только под водой».

Только лишь налюбовавшись этими чудесами природы, Женя немедленно воспользовался своей второй попыткой телепортации (по словам мужчины из белой комнаты, их было по три на каждый день). Теперь он очутился в ботаническом саду. По левую руку от него возвышались по любым меркам огромные оранжереи, сквозь стёкла которых виднелись тонкие пальчики пальмовых ветвей и просвечивали нежные бутоны кувшинок. По правую руку от Жени художники устроили пленер с карандашными набросками. У одной только девочки, сидящей рядом с огромным кактусом, была акварель с пучком пушистых кисточек.

Пират устроился на лавочке рядом с сакурой, рассматривая окружающие его причудливые растения. Некоторые из них он видел впервые. А вот тысячелистник рос во дворе дома, в котором Женя вырос. Через какое-то время его внимание переключилось на людей – художников, сидевших на траве напротив него. Интересно было следить глазами за тем, как они создают ту самую волшебную конвергенцию красот внешнего мира и внутреннего своеобразия каждой души. Кто-то рисовал растения, кто-то – своих товарищей, кто-то – здания оранжереи и пышное облако, в которое слились кроны близстоящих деревьев. Девочка с акварелью изредка поглядывала на Женю. Ему сначала показалось, что это от смущения (ещё бы: какой-то лохматый пень так явно и открыто следит за их творческим процессом), но тут она поднялась и смело направилась в сторону лавочки под сакурой, где сидел Пират.

«А она хорошенькая», – успел подумать он, пока девочка шла к нему.

Из-под мужской фуражки, какие обычно носили таксисты в СССР, торчали рыжевато-русые волосы, едва достающие до подбородка. Руки и ноги были тонкие, угловатые, но двигались достаточно живо и динамично. Подойдя к Жене, она заговорила. Голос у нее был как у мальчика лет десяти-двенадцати:

– Слушай, ты в такой забавной позе сидел, что я не удержалась!

И девчонка достала из-за спины и протянула ему маленький акварельный рисуночек, на котором Женя узнал себя в пиратской шляпе у штурвала с лазурным ореолом из волн, бесстрашным и воинственным взглядом смотрящим вдаль. «Откуда это всё взялось в её голове? Как могло воображение незнакомой девочки так точно дорисовать все недостающие детали?» – пронеслось в его мыслях.

– Ого-о, спасибо. Это нереально круто, – промолвил Женя, беря в руки рисунок.

Художница улыбнулась, на её щеках проступили веснушки, а кончики волос прямо на глазах *посинели*.

– Удивительные штуки в этом мире происходят, да? – спросила она.

– Э-э-э-эмм... Да, это странно, – помедлив, ответил Женя.

– Но разве плохо быть странным? Мне кажется, это должно не пугать людей, а наоборот притягивать. Ведь это же изюминка, точнее изюминки, целый килограмм изюма!.. Это есть во всех нас. Вот у тебя, например, какие странности?

Женя на секунду задумался и ответил:

– Я вешаю носки на люстру.

– Зачем? – изумлённо улыбнулась девочка, подняв брови чуть ли не до самого козырька фуражки.

– Ну-у... я часто не могу найти пару для очередного постиранного носка (распространённая проблема, не правда ли?). А когда они все в одном месте и всегда на виду, у них просто нет шансов потеряться.

Художница, казалось, пришла в восторг.

– Ва-ау, какая идея! Почему я до этого не додумалась раньше?

Тут кто-то из остальных живописцев окликнул энергичную девчонку.

– Давай пять, Пират. Хорошего тебе дня!

С этими словами она хлопнула по жениной ладошке и вприпрыжку вернулась к своим товарищам.

«Интересный народ эти художники», – подумал он.

В тот день Женя нашёл ещё хороший магазин пластинок и несколько крыш в разных частях города, с которых открывались красивые виды на город, а последнюю попытку телепортации использовал на то, чтобы оказаться на самом уютном чердаке, какой он только смог представить себе.

Сквозь большое круглое окно от пола до самой крыши во все уголки этой коморки солнца проникал свет, в тёплых лучах которого играли пылинки. Все стены были завешаны посудой, заставлены старой мебелью, игрушками, ящиками с макулатурой вроде журналов про садоводство и кулинарных книг. Бесчисленное множество старых альбомов с фотографиями привлекли внимание Жени. Он взял один из них и плюхнулся на матрас напротив окна в огромную гору пледов, подняв тем самым в воздух целую тучу пыли.

Прокашлявшись, Женя решил, что проветривание этому помещению не помешает и, пробравшись через горы стульев, составленных один на другой аж до самого свода крыши, повернул ржавую ручку форточка. Та податливо заскрипела, и Пират почувствовал влажное дуновение, поцелованное прохладой недавно ушедшей зимы. Он вернулся на матрас, подняв по дороге старинные напольные часы, которые почему-то лежали на боку прямо посреди комнаты. Когда же они оказались на месте, чердак показался чуть ли не вдвое просторнее. Полулёжа Женя начал рассматривать альбом. В нём почти не было портретов. Только старые черно-белые фото рук, делающих какую-нибудь работу и ног в разной обуви или без неё, идущих куда-то по разным местностям. Женя чуть внимательнее изучил снимок, на котором грубые мужские руки в шрамах изящно держали тоненькую иголку и штопали дырку в армейской майке. Следующая карточка – жилистые руки женщины, выполняющие тяжёлую работу у станка. Ещё одно фото – руки флейтистки. Ноги тоже были разные: одни осторожно, самыми пальчиками окунались в холодное море, другие маршировали в строю, третьи – застыли в убийственно живом танце... И только тут Женя подумал о том, что автор этих снимков, вероятно, таким образом не обезличивал фотографии, а наоборот пытался показать, что настоящая сущность человека – и лицо, и цвет, и запах – в его деятельности.

И сразил Пирата сон, пока он был занят мыслями о том, скучает ли кто-нибудь по тому, что делали его собственные руки и ноги.

На следующий день Женя решил не придумывать себе каких-то особенных занятий и руководствоваться лучшим принципом из ныне существующих – пойти куда глаза глядят.

На одной из улиц города его внимание привлекла крестообразная зелёная вывеска с красной надписью. «Зачем в загробном мире нужны аптеки? Кого здесь лечить-то? И самое главное – от чего?»

Немедля Женя приблизился к двери и потянул её на себя. Звякнул колокольчик, приклеенный скотчем к косяку. Запахло детской присыпкой и зубной пастой. Ни пылинки в воздухе. Первые секунды было страшно непривычно находиться в таком чистом помещении. Пират взглянул на полки. Крохотные цветные коробочки были уложены в ровные стопочки. Женя подышал на стекло и пальцем вывел по его гладкой поверхности какую-то незамысловатую спираль.

В окошке появилась девушка. Молоденькая совсем, лет восемнадцать-двадцати на вид. Светлые, ровно обрезанные чуть ниже плеч волосы. Глаза карие, не крупные, но глубокие, как

корни старого можжевельного дерева. Полупрозрачные брови, маленький бурундучий носик, большие овальные щёки. Красавица.

Улыбнулась. На подбородке пролегла до жути милая ямка.

«Вот же очаровательная, – подумал Женя и указательным пальцем потёр горбинку на носу. – Не люблю блондинок, но эта – просто милейшая».

– Ну и что вы тут продаёте? – поинтересовался он вслух.

– Почему сразу продаём? – девушка провела рукой по краю прилавка, который был ближе к ней. Женя заметил, что там нет кассового аппарата. Действительно, откуда в загробном мире взяться обменной валюте?

– И всё равно: что за коробочки?

– Да разные есть, – она сняла одну с полки. Квадратную синюю. – Это капсула появления на свет. Съешь её и вспомнишь, как родился в последний раз. А это – она указала на полку с прямоугольными красными коробочками, – капли скорбного дня. С помощью этой штуки можешь со стороны посмотреть первые десять дней после своей смерти. Не всё, конечно, отрывками, в ускоренном режиме, и всё же тебе будет интересно попробовать. И самые мои любимые – пилюли упущенных возможностей. С ними узнаешь, как могла бы сложиться твоя жизнь в самом лучшем случае.

– Да ну, любимые? – удивился Женя. – И тебе не грустно смотреть на то хорошее, что теперь уже никогда не произойдёт?

Он представил себе человека, сворачивающего с ровной дороги в грязную канаву.

– Да нет же, – аптекарша улыбнулась ещё шире. – Мне интересно каждый раз снова проживать этот маленький кусочек счастливой жизни.

Женя призадумался:

– Ну-у для меня лично это было бы тяжеловато. Давай, наверное, лучше капли скорбного дня.

– Пф-ф, ну ты, конечно, выбрал штуку полегче, – усмехнулась девушка.

– Да ладно тебе. Хоть я и умирал в мучениях, для меня смерть – не такая уж и страшная тема, – ответил Женя, и немного помолчав, добавил: – Я давно знал, что не проживу долго и отчасти был готов к такому исходу.

– Что с тобой случилось?

– Наследственная болезнь случилась. Мышцы в двадцать два были как у старика – атрофировались: медленно и больно.

– Кошмар, – ответила аптекарша, впечатлившись. – И это совсем никак не лечилось?

– Не-а. Мать моя от той же патологии умерла шесть лет назад.

– Ужас-то какой, – глухо проговорила девушка, необычно акцентировав при этом букву «с». Она тихонько протянула руку и положила склянку с каплями в ладонь Жени. – Держи. Они одноразовые. Похожие медикаменты нельзя принимать чаще, чем раз в два дня, имей это ввиду. Выливаешь пузырёк в стакан воды и выпиваешь. На пустой или полный желудок – не имеет значения.

– Хорошо, спасибо.

– А теперь стишок расскажи.

– Что?

– Ну это своего рода оплата. Так надо.

Женя вспомнил дни в больнице:

– Солнце светит на ебало,

Чтоб оно не остывало,

Как малиновый пиро-ог...

– Достаточно, – перебила его девушка, рассмеявшись. – Хорошего дня тебе.

– И тебе.

И тут Пират впал в ступор. Не этими же словами с ним попрощалась художница в ботаническом саду?

Совпадение ли? Случайны ли вообще эти встречи? Может быть, попав в этот мир, Женя, сам того не ведая, запустил какой-то таинственный механизм, загадочную цепочку событий, скованную кем-то заранее? И пока эти вопросы неистово рвались за пределы черепной коробки Жени, он положил капли в карман, дёрнул дверь на себя и покинул аптеку.

– Хм-м, капли скорбного дня...

Женя, подкатив штаны, снял носки и пошёл по песку босиком. Прохладноватый хруст под пятками сопровождал путь от конца последней тропинки до пенистой линии залива. Ветер уносил далеко крики чаек и людей, которые повышали голос не в злости, но в стремлении пересилить свист прозрачных вихрей и серых волн. Небо – почти белое, из одной палитры с северными водами.

На краю берега, где песок ещё не был влажным, но море уже было достаточно близко, Женя стянул с себя свитер, оставшись в одной футболке. Расстелил его на земле и присел. Вытащив из кармана капли, он немного повертел их в руках. Запить было нечем. Вода в заливе с виду казалась недостаточно чистой.

«Настоящие пираты не боятся крепкого пойла», – подумал он, повернул крышечку и залпом выпил содержимое склянки.

Пять минут не происходило ничего, но на шестой – будто по голове подушкой ударили. Море поплыло в разные стороны, сжимаясь и расширяясь. Берег полез на небо, облака и чайки запульсировали. Бегавшие рядом дети оставляли после себя цветные следы. Сидеть было тяжело: голова тянула Пирата к земле, и тот, решив не сопротивляться, рухнул прямо на песок. Контуры просто не было: всё смешалось. Женя закрыл глаза. Невероятно, но по ту сторону век мир был совершенно другой: чёткий, ровный. С трудом моргнул – и снова размытый морской пейзаж сменился ясной картиной маленького городка в средней полосе России. Железная дорога. Старые выкрашенные голубой краской ворота с большими алыми буквами. Безнадёжное место, где ничего не меняется годами. Ветхое здание из серого камня. Морг при областной больнице.

Врачи из разных отделений столпились над одним столом. Скальпель ровной полосой прошёл от бедра к колену. Доктора что-то обсуждали между собой, но Женя едва ли понимал все эти сложные медицинские термины. Ему был противен этот интерес к его собственному телу. Будто бы он всегда был препаратом – и никогда человеком. Потом привели группу из человек двадцати студентов, большинство из которых мало волновала редкая мышечная атрофия. Преподаватель бегал вокруг стола с пинцетом и, блестя потным лбом, выглядывавшим из-под шапочки, тыкал то в одно сухожилие, то в другое.

Женя прикованным взглядом смотрел на тело, которое некогда было его собственным. Теперь оно казалось более чем мёртвым: жёлто-синее, вязкое истощение въелось в лицо, которое он каждый день видел в зеркале. А ещё эти зеваки толпятся здесь, тупо уставившись на него и не видя за диагнозом *человека*, который совсем недавно был ещё жив.

К счастью для Жени, картинка внезапно сменилась, закрутившись в воронку, как вода в ванной. Теперь его взору предстало кладбище. Чёрная мокрая земля, впитавшая в себя то, что пару дней назад было снегом. Необычайно солнечный день для конца декабря. Тёплый и грязный. В это место не ездил общественный транспорт, да и на собственной машине добраться туда было нелегко. Старое, Богом забытое кладбище. Во всю эту слякоть явно не вписывались люди, собравшиеся вокруг ямы между сгрудившимися надгробиями. Даже в скорбных чёрных одеждах они казались яркими: парень с татуировками на запястьях, выглядывавшими из под куртки, девчонка в кожанке с огромным количеством металлических запонок, еще одна девушка – с синими волосами... Неформалы. Люди, некогда культивировавшие смерть,

впервые столкнулись с ней вживую. Высмеивать-то её не страшно, а видеть собственными глазами..? Удивительно, не правда ли? Мертвец на эскизе для тату, обвешанный цветными кишками, по которым ползают улыбчивые опарыши, выглядит привлекательно для них, а чистенький бледно-синий друг, лежащий в могиле – нет?

Но сейчас Жене не хотелось осуждать их, потому как все лица, которые он видел, были преисполнены глубочайшей скорбью. Казалось бы, все знали, что он был болен. И всё же они не могли смириться с фактом. Был друг – и канул в небытие. Жене хотелось закричать: «Э-эй, ребят, не печальтесь вы так, я попал в классное место! Смерть – не значит конец! Не бойтесь её! Не грустите из-за меня...» Но губы сковала свинцовая печать молчания. В этой картине он был всего лишь наблюдателем.

Один из жениных родственников прочёл над гробом просто сногшибательную религиозную речь, после которой у самого Жени возникла одна только мысль: «Какого чёрта, мудила?» Но обиды не было: Пират смеялся в лицо этой посмертной неприязни, подавив где-то внутри нотку вечно грустной мелодии и беспричинного сожаления.

«Если они все пришли сюда, значит они действительно скучают по мне», – подумал Женя. Смешанное чувство одолевало его: с одной стороны он был заражён всеобщим горестным настроением, а с другой – рад вновь увидеть столько близких ему людей. Они были здесь вместе. Все, кто был ему дорог, такие разные, уместились на двух-трёх десятках квадратных метров. Сквозь скорбные речи друзей Женя впитывал, запоминал движения их рук и ног, следил за каждым вздохом, каждым брошенным взглядом. Он рассматривал шрам за ухом у парня из соседнего двора, считал малюсенькие родинки на щеках девочки из колледжа... Последнее, что он успел – взглянуть в морщинистые глаза отца. Казалось, забылись все ссоры, драки, вся грязь и ругань. Теперь, со стороны, Женя видел в его взгляде *осознанность*.

Только лишь Пират потянулся к мёртвому лицу в гробе, чтобы приподнять ему уголки губ, дабы труп не выглядел таким унылым, как видение кончилось. Всю картинку засосало в воронку тёмного неба над заливом. Женя лежал на боку, согнув ноги. Стемнело, видимо, уже давно – людей вокруг не было. Лишь тимпанический шум волн в заливе. Вытряхнув песок из волос, Женя поднялся на ноги. И то – только со второй попытки. Голова ещё гудела. Нужно было найти место для ночлега.

Холодно здесь. Ветрено.

Пустынный пляж достаточно резко сменился вечерним городом. Песок – брусчаткой, а потом и ровным асфальтом. Узкие улицы, высокие худенькие окошки, красные крыши, цветные фонарики, бросавшие блики на плечи, щёки и лбы редких прохожих. Женя нашёл общежитие и два хостела, но ни в одном из них не было свободных мест. Совсем случайно Женя бросил взгляд на высокую крышу синагоги. Да, он относился к религии с изрядным скептицизмом, но, когда у тебя есть все шансы остаться ночевать на улице, о разнице мировоззрений не очень хочется спорить. Женя, чуть помедлив, направился к еврейскому храму.

Первая ступенька,

Вторая,

Третья...

Тяжёлая дверь с резной ручкой глухо стукнула за его спиной. Взгляд взлетел на высокий мозаичный потолок, где изображены были религиозные сцены. Единственное, что отличало синагогу от обычного храма – обилие спящих людей. В каждом углу, на каждой лавочке, на ковре, некоторые – даже на том возвышении, где обычно читают молитву.

Женя лёг в самой середине, ориентируясь по центру росписи под крышей. Ковёр был мягкий-премягкий, красно-коричневый, с высоким густым ворсом. Пахло чем-то вкусным. Женя принялся: в дальнем углу стоял стол с едой.

«Даже так», – подумал он, поднимаясь на ноги.

Пират принёс себе несколько штук фруктовых пирогов, поставил большую тарелку на пол и лёг рядом на край ковра.

«А всё-таки неплохое место здесь, – подумал Женя. – Забавно, наверное, приходит сюда каждую неделю: кушаешь, спишь, любишься храмом и симпатичными еврейками...»

Произошло ли в тот момент у Жени примирение после многолетней войны с религией – никто не знает, но уснул он, укрывшись свитером, с улыбкой на лице.

Через пару дней Женя снова пришёл в аптеку. Всё та же светленькая девушка улыбнулась ему в окошке:

– Что, решил снова меня позабавить?

Женя облокотился руками на краешек витрины.

– Хочется ещё раз почувствовать себя героем «Гарри Поттера» и попробовать каких-нибудь волшебных зелий.

– Двое суток уже прошло после первого приёма?

– Да.

– Тогда ищи, что тебе больше нравится, – и милое кареглазое личико исчезло за огромными листами газеты.

Женя прошёлся взглядом по рядам цветных коробочек и колбочек.

– Давай-ка всё-таки попробую твои пилюли упущенных возможностей.

– Как скажешь. Погоди, сейчас достану... К нам, кстати, новинку одну интересную завезли.

– Ну-ка...

– Таблетки, позволяющие увидеть человека, который больше всего скучает по тебе.

– А вот это уже интересно... Что мне нужно сделать, чтобы получить их?

– Потанцуй.

– Я ж бревно.

– Ну ладно, спой что-нибудь.

Женя вспомнил минувшие учебные дни:

– Ты тупая сука

С кафедры физмата.

На кафедре физмата

Все люди ебана-а-аты...

– У тебя вообще бывают когда-нибудь приличные песни? – перебила его аптекарша.

– Нет, – Женя улыбнулся во все тридцать два зуба и забрал коробочку с таблеткой.

На этот раз он счёл более целесообразным принять лекарство в маленьком гостиничном номере, чтобы не грохнуться в забвении где-нибудь в неподходящем месте. Запив горький кружочек водой из-под крана, Пират лёг на застеленную зелёным покрывалом кровать и принялся ждать.

Каково было удивление Жени в момент, когда началось видение – представить сложно. Из размытых цветных спиралей и ленточек начали складываться черты человека, которого он совсем не ожидал увидеть скучающим по нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.